
**ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Владимир Бартенов*

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (МГУ)

ORCID: 0000-0001-9804-0630

© В. Бартенов, 2022 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-11-37

Аннотация Статья исследует актуальную проблему влияния санкций на продовольственную безопасность, систематизирует и уточняет представления о ней, сложившиеся в политическом и академическом дискурсе к началу 2020-х годов. В рамках анализа ограничений непосредственно на поставки продовольствия рассмотрены вопросы, связанные с возникшим в годы «холодной войны» правовым вакуумом в этой сфере и попытками его частичного преодоления посредством гуманитарных изъятий из санкционных режимов. Диапазон возможностей для осуществления подобных изъятий резко расширился после «холодной войны». Однако ряд факторов снижают эффективность этого инструмента: в первую очередь, распространение культуры «нулевой толерантности к риску» и «чрезмерно рьяное исполнение санкций» финансовыми учреждениями («оверкомплаенс»). Раскрыты основные механизмы прямого и косвенного влияния торговых и финансовых санкций на продовольственную безопасность на макроуровне. Обозначены те новые измерения «смычки» между санкциями и продовольственной безопасностью, которые проявились на фоне разрастания украинского конфликта и введения странами Запада беспрецедентных санкций против России. В перспективе западные страны могут активизировать применение первичных и вторичных санкций против крупнейших незападных государств, выступающих одновременно значимыми поставщиками продовольствия и влиятельными донорами программ содействия развитию. Однако это неминуемо окажет деструктивное воздействие и на третьи страны, и на самих инициаторов санкций. В результате рассматриваемая смычка станет еще более выраженной, а обозначенные в глобальной повестке развития задачи обеспечения продовольственной безопасности – еще менее достижимыми. Помочь преодолеть тупик в деле искоренения голода сможет лишь активизация параллельных усилий по минимизации негативных

* Бартенов Владимир Игоревич – доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ, кандидат исторических наук.

Vladimir Bartenev – Associate Professor, Department of International Organizations and World Political Processes, and Director of Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University.

последствий экономических санкций и по созданию условий для скорейшего урегулирования конфликтов, провоцирующих введение таких санкций.

Ключевые слова санкции, продовольственная безопасность, продовольственная помощь, торговля сельскохозяйственной продукцией, содействие развитию, гуманитарные изъятия, overcompliance

Title The impact of sanctions on food security: traditional and new dimensions

Abstract The article explores an increasingly relevant topic of the impact of the sanction pressure on food security, summarizes and refines the assessments that have gained ground in political and academic discourse by early 2020s. The study first examines the restrictions on food and agricultural products, points at the legal gap that had emerged in this domain during the Cold War, and examines attempts to partially mitigate this gap by means of humanitarian exemptions from the sanction regimes. The range of options for making such exemptions has significantly expanded after the Cold War, but some factors, especially zero risk tolerance and overcompliance by financial institutions, reduce the effectiveness of these exemptions. Key mechanisms of direct and indirect impact of trade and financial sanctions on food security are addressed at the macro-level. The article also focuses on the novel dimensions of the nexus between sanctions and food security that emerged as a result of an escalation of the conflict in Ukraine and the following wave of unprecedented Western sanctions against Russia. In the future, the Western powers can also step up primary and secondary sanctions against those large non-Western powers who act as both suppliers of food products and donors of development programs. This, however, would inevitably have destructive reverse impact on the economies of both third states and sanctioning countries themselves. As a result, the sanctions–food security nexus may become even stronger, which, in turn, may hinder the achievement of food security-related goals and tasks envisaged in Global Sustainable Development Agenda. The only way out of this impasse is to boost parallel efforts to mitigate disruptive consequences of economic sanctions and to create conditions for resolving the conflicts which led to imposing these sanctions.

Keywords sanctions, food security, food assistance, agricultural trade, international development cooperation, humanitarian exemptions, overcompliance

I. Введение

События 2022 г. наглядно продемонстрировали несовершенство используемых экспертами методик прогнозирования международных процессов и обозначили необходимость пересмотра представлений о логике связей между многими явлениями, которые по отдельности казались изученными досконально и всесторонне. Сказанное в полной мере относится и к смычке между инструментами санкционного давления и продовольственной безопасностью, которая вышла на первый план после начала в феврале 2022 г. российской специальной военной операции на Украине и введения западными странами беспрецедентно жестких рестриктивных мер в отношении Москвы.

Обособленно оба этих феномена – продовольственная безопасность и санкции – весьма активно изучаются в последние годы как за рубежом, так и в Российской Федерации. Однако санкционная проблематика почему-то выпадает из поля зрения исследователей, которые изучают вопросы обеспеченности

продовольствием. Да и обратное влияние санкций на продовольственную безопасность гораздо чаще обсуждается в политическом дискурсе, нежели в академическом, – преимущественно с акцентом на неправомерность и неэффективность односторонних принудительных мер с точки зрения реализации права на питание.

Все это однозначно указывает на наличие объективно существующей исследовательской ниши, заполнить которую призвана настоящая статья. Ее цель состоит в проведении комплексной оценки влияния санкций на продовольственную безопасность, систематизации и уточнении сложившихся к началу 2020-х годов представлений об этой проблеме. Приступить к решению поставленной задачи можно, лишь определившись со значением каждого из терминов, формирующих «остов» рассматриваемой смычки.

Согласно определению, принятому на первом Всемирном продовольственном саммите 1996 г., продовольственная безопасность обозначает «ситуацию, при которой все люди в каждый момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни».¹ Ключевыми элементами продовольственной безопасности являются наличие (availability), доступность (access) и стабильность поставок (stability) продовольствия.

Используемое в статье понятие «санкционное давление» можно считать производным от более широко употребляемого термина «санкции», который обозначает намеренные действия государства («страны-инициатора»), коалиции государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из таможенных, торговых или финансовых отношений с «целевой страной» (или «страной-мишенью»)² Степень дифференциации санкций крайне высока: их можно разделить по источнику – на международные, коллективные и односторонние, по характеру – на торговые, финансовые и другие, по масштабу воздействия – на всеобъемлющие, секторальные и адресные («умные»), а также по типам политических целей и т. д.³

Исходя из значений ключевых терминов, в рассматриваемой смычке можно выделить два измерения. Первое – прямое влияние ограничений на поставки продовольствия – как льготные (продовольственная помощь),⁴ так и возмездные (коммерческие контракты). Второе – влияние ограничений на социально-экономическое и политическое развитие подсанкционного государства в целом, которое может отражаться и на его продовольственной безопасности. Это диктует и структуру основной части статьи: каждому из обозначенных двух измерений посвящен отдельный раздел. После этого будет дана характеристика тем новым аспектам связи, которые проявились в 2022 г. в случае с самым крупным из подсанкционных государств – Россией. Однако прежде важно более четко вписать исследование в существующий библиографический контекст.

II. Обзор литературы

Массив публикаций по проблемам продовольственной безопасности уже содержит не один десяток тысяч наименований, а счет специализированных научных центров, исследовательских программ и проектов идет на сотни. Одним из бесспорных показателей роста научного интереса служит расширение круга профильных междисциплинарных рецензируемых изданий. В дополнение к научному журналу “Food Policy”, начавшему выходить в свет еще полвека назад – в 1975 г., появились новые авторитетные журналы: “Food Security” (издается

Международным обществом патологии растений с 2009 г.), “Global Food Security” (издается с 2012 г.) и ряд других.

Именно на страницах “Global Food Security” в 2020 г. были представлены результаты первого всеобъемлющего обзора предметного поля с применением интеллектуального анализа текстовых данных – столь же любопытные, сколь и противоречивые. С одной стороны, была зафиксирована невероятная широта географического охвата релевантных исследований, которые сегодня ведутся в общей сложности в 187 странах мира. С другой – установлено, что наибольшую активность демонстрируют отнюдь не те государства, в которых проблема обеспечения населения продовольствием стоит острее всего. При этом наблюдается смещение исследовательского фокуса с мер экономической политики на положение отдельных домохозяйств и связь проблем продовольственной безопасности с вопросами охраны здоровья и защиты окружающей среды.⁵

В самостоятельную ветвь уже оформилось и изучение проблематики взаимного влияния продовольственной безопасности и вооруженных конфликтов, которая весьма тесно пересекается с заявленной в статье темой. Ученые давно признали, что отсутствие мира как между государствами, так и внутри них подрывает продовольственную безопасность, тогда как голод выступает одним из факторов нестабильности, а скачки цен на продовольствие – потенциальным триггером перехода к вооруженному насилию. Однако нюансировка концептуальных представлений – в т.ч. с опорой на анализ новых кейсов – продолжается, и исследования указанных вопросов также выходят в свет с завидной регулярностью.⁶

Позитивная динамика в исследовании проблем продовольственной безопасности наблюдается и в России. Заметный вклад в их развитие вносят и представители общественных наук – в первую очередь, сотрудники ведущих российских центров подготовки политологов и экономистов-международников (МГУ, МГИМО-Университета, Российского университета дружбы народов, Финансового университета при Правительстве РФ и др.) и институтов Российской академии наук (РАН), входящих в состав Отделения глобальных проблем и международных отношений. Российские ученые исследуют как вопросы общего порядка (понятийные инновации,⁷ характер новейших угроз,⁸ «состояние современной системы международного многоуровневого взаимодействия, направленного на обеспечение глобальной продовольственной безопасности»),⁹ так и проблемы продовольственной безопасности в отдельных странах и регионах. В их числе сама Российская Федерация,¹⁰ развитые страны Запада (США,¹¹ страны ЕС¹²) и государства «глобального Юга» – Азии,¹³ Африки¹⁴ и Латинской Америки.¹⁵

Не менее бурно развиваются и исследования экономических санкций, что отражает все более активное применение этого инструмента в мировой политике. На фундаменте, заложенном классическими работами Х.Хафбауэра и его коллег по Институту мировой экономики Петерсона (их первопроходческий труд выдержал три издания),¹⁶ Д.Дрезнера,¹⁷ Р.Пейпа¹⁸ и др., сформировалась отдельная предметная область, в рамках которой помимо многочисленных статей на постоянной основе выходят в свет новые крупные индивидуальные и коллективные монографии.¹⁹ В них ставятся концептуальные вопросы – типологизации рестриктивных мер, оценки их эффективности, строятся модели поведения инициаторов, стран-мишеней и третьих стран, подробно разбираются отдельные санкционные режимы.

Мощный всплеск интереса к санкционной проблематике наблюдался в последние пять–семь лет и в России – главным образом, в связи с ее попаданием

в 2014 г. в число подсанкционных государств на фоне «украинского кризиса» и его геополитических последствий. Стали формироваться новые исследовательские коллективы и специализированные центры. В их числе группа под руководством программного директора Российского совета по международным делам (РСМД) И.Н.Тимофеева, которая, в числе прочего, подготовила и первую отечественную тематическую хрестоматию (впоследствии уточненную и дополненную),²⁰ и объемную серию актуальных обзоров санкционной политики; Центр экспертизы санкционной политики Института международных исследований МГИМО (У) МИД России и др. Происходит и консолидация сообщества теоретиков и практиков, занимающихся проблемами соблюдения санкций. Ведущие представители этой «новой волны» в изучении санкций регулярно публикуют результаты своих исследований в авторитетных рецензируемых изданиях, индексируемых как в отечественных, так и в международных базах данных.²¹

Несмотря на высокую интенсивность научной проработки обоих элементов рассматриваемой смычки, проведенный нами библиографический анализ выявил острый дефицит работ, посвященных ей непосредственно. К этой категории можно причислить разве что концептуальное исследование, принадлежащее перу доцента канадского Гуэлфского университета С.К.Афесоргбора,²² а также краткий раздел об ограничениях на торговлю продовольствием и сельхозпродукцией в неизвестной широкому кругу международников антологии по продовольственной и сельскохозяйственной этике.²³ С.К.Афесоргбор соотнес данные базы санкционных кейсов за 1990–2014 годы, сформированной коллективом во главе с Г.Хафбауэром, с показателями Глобального индекса голода (Global Hunger Index, GHI), чем наглядно продемонстрировал деструктивное влияние санкций на состояние продовольственной безопасности, оставив возможность другим ученым уточнять его выкладки с использованием более новых данных.

Определенный интерес к заявленной проблематике можно обнаружить также в более практически ориентированных работах, посвященных ситуации в отдельных государствах, уязвимых к угрозе голода и одновременно испытывающих на себе мощное санкционное давление, – в Афганистане,²⁴ Венесуэле,²⁵ Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР),²⁶ Сирии²⁷ и т. д. Если в отечественной литературе данный сюжет и изучается, то, главным образом, применительно к санкциям, введенным странами Запада против РФ в 2014 г., и российскому продовольственному эмбарго.²⁸ Однако такие работы редко выходят на уровень концептуальных обобщений.

Результаты анализа состояния библиографического комплекса говорят о наличии объективных возможностей для выбора еще не проторенного пути. Начать его логичнее всего с рассмотрения правовых аспектов ограничений на поставки продовольствия.

III. Правовые аспекты ограничений на поставки продовольствия: эмбарго, изъятия и оверкомплаенс

Устав ООН 1945 г. наделил Совет Безопасности (далее – СБ ООН) правом вводить обязательные для исполнения принудительные невоенные меры в случае возникновения угрозы международному миру и безопасности (статья 41). Такие меры могли включать «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».²⁹ Однако устав

никак не ограничивал охват подобных мер и их потенциально деструктивное влияние на гуманитарную обстановку, в т. ч. на поставки продовольствия.

Отсутствие таких разъяснений стало более заметным после формирования корпуса новых норм в области прав человека. Пункт 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) в декабре 1948 г., гласит: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая *пищу*, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...» (курсив мой. – В.Б.).³⁰ Право на питание было отдельно закреплено в 1966 г. в одобренном ГА ООН Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. В пункте 2 статьи 11 пакта государства-участники признали «основное право каждого человека на свободу от голода» и взяли обязательство «принимать необходимые меры индивидуально и в порядке международного сотрудничества, включая проведение конкретных программ», для того чтобы в том числе «*обеспечить справедливое распределение мировых запасов продовольствия в соответствии с потребностями и с учетом проблем стран как импортирующих, так и экспортирующих пищевые продукты*»³¹ [курсив мой. – В.Б.]. Принудительные невоенные меры в качестве угрозы такому справедливому распределению мировых запасов продовольствия в данном случае не рассматривались.

До определенного времени отмеченный выше правовой вакуум оставался в тени, поскольку санкционные инструменты задействовались крайне редко. До падения Берлинской стены СБ ООН вводил санкции лишь дважды – в отношении Родезии в 1966 г. и ЮАР в 1977 г. Однако в 1990-е годы, в связи с расширением санкционных режимов (объектами которых за короткий срок стали более десятка стран), эта проблема не могла не выйти на передний план. Часть юристов-международников пыталась доказать приоритетность положения Устава ООН о введении санкций над любыми другими нормами международного гуманитарного права и международного права в области прав человека.³² Однако в итоге возобладала противоположная точка зрения, которая предопределила сначала внедрение новой практики *гуманитарных изъятий* (или изъятий по гуманитарным соображениям) из санкционных режимов, в т. ч. применительно к поставкам продовольствия в подсанкционные юрисдикции, а затем и разворот в сторону «умных» (адресных) санкций в целях минимизации гуманитарных последствий принудительных мер. Практика использования такого рода изъятий ключевыми инициаторами санкций (СБ ООН³³, ЕС³⁴, США³⁵, Великобританией и др.) в ряде аспектов отличалась, равно как и термины, которыми они стали описываться (exemption, exception, derogation, safeguard, carve-out).

В 1997 г. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам одобрил отдельное замечание общего порядка (№ 8) о связи между экономическими санкциями и уважением прав человека. Согласно пункту 16 документа, «ответом на беззаконие не может быть нарушение законодательных норм в результате игнорирования основных прав, лежащих в основе и обеспечивающих законность любых подобных коллективных действий».³⁶ Спустя два года была согласована еще более конкретная формулировка: «Государства-участники должны во всех случаях воздерживаться от эмбарго на продовольствие и от аналогичных мер, которые могут поставить под угрозу условия производства продуктов питания и доступ к продовольствию в других странах» (пункт 37).³⁷ В 2000 г. Комиссией ООН по правам человека был учрежден пост Специального докладчика по вопросу о праве на питание, который в своих докладах сразу же

стал отмечать деструктивные последствия как односторонних (например, эмбарго США против Кубы), так и многосторонних санкций (в частности, эмбарго СБ ООН в отношении Ирака).³⁸

Со временем обеспечению продовольственной безопасности стало уделяться больше внимания и в рамках утверждаемых ГА ООН глобальных повесток развития. В 2000 г. проблематика борьбы с бедностью и искоренения голода была объединена в рамках первой Цели развития тысячелетия (ЦРТ). Спустя 15 лет искоренение голода было обозначено уже в качестве отдельной Цели устойчивого развития (ЦУР) под названием «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства». ЦУР № 2 конкретизировалась в восьми отдельных задачах, одной из которых было «устранение и пресечение введения торговых ограничений и возникновения искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции».³⁹ Такая формулировка уже имела отношение как к санкционной проблематике в целом, так и к проблематике гуманитарных изъятий, реализации которых в последние годы стало мешать «чрезмерно рьяное соблюдение санкций» (overcompliance).

Феномен оверкомплаенса возник в связи с заметным расширением охвата «умных санкций» в отношении таких стран, как Иран, Сирия, КНДР, Венесуэла,⁴⁰ большая часть которых испытывает проблемы с продовольственной безопасностью. Финансовые структуры, особенно более мелкие, перед лицом угрозы попасть под американские «санкции за нарушение санкций»,⁴¹ предпочитают перейти от «риск-ориентированного подхода» (risk-based approach) к политике снижения рисков (de-risking) и «нулевой толерантности к риску» (zero-tolerance approach) и воздерживаться от проведения любых транзакций, в т. ч. сделок, связанных с поставками продовольствия.⁴²

Губительность оверкомплаенса как отдельной проблемы⁴³ уже была осознана на международном уровне. Этому способствовало, среди прочего, учреждение Советом по правам человека ООН поста специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека (резолюция № 27/21 от 3 октября 2014 г.).⁴⁴ Специальный докладчик обязан собирать информацию, разрабатывать инструкции и рекомендации, призванные минимизировать такое негативное воздействие, а также содействовать Управлению Верховного комиссара ООН по правам человека в предоставлении затронутым странам необходимой технической и консультативной помощи.

В своих ежегодных докладах специальные докладчики ООН по этому вопросу неизменно отмечали негативное влияние односторонних санкций на реализацию права человека на «свободу от голода». Эта тема присутствует и в последнем на данный момент докладе, опубликованном 15 июля 2022 г. Доклад посвящен именно наказаниям за обход режимов санкций и «чрезмерно рьяному их соблюдению»,⁴⁵ из-за чего, помимо прочего, поставки продовольствия (а также медикаментов, вакцин, товаров первой необходимости) не доходят до уязвимых групп населения в странах, находящихся под санкциями. В числе государств, пострадавших от приостановки банками вполне законных переводов для закупки продовольствия в гуманитарных целях, в докладе упоминаются Куба и Зимбабве.⁴⁶

Специальный докладчик также выпустила инструкции на тему оверкомплаенса. Государствам рекомендуется осуществлять мониторинг деструктивного влияния этой практики на инфраструктуру подсанкционных стран, обеспечивающую реализацию прав человека в жизненно важных сферах (в т. ч. в вопросах обеспечения продовольственной безопасности, поставок семян и

удобрений), а также на возможность для гуманитарных организаций вести деятельность в этих странах и предоставлять помощь нуждающимся.⁴⁷ Текущей задачей специального докладчика является разработка единой системы индикаторов для мониторинга и оценки гуманитарных последствий односторонних санкций, в т. ч. с целью отслеживания их воздействия на продовольственную безопасность. Однако, несмотря на осознание неотложности решения проблемы оверкомплаенса, ограничивающей эффективность гуманитарных изъятий, данная проблема лишь усугубляется.

По мнению экспертов, особенно заметно она проявляется в контексте деятельности гуманитарных организаций в Сирии. Мохаммад Канфаш, анализируя роль санкций в усугублении продовольственной уязвимости Сирии, напоминает, что еще в 2013 г. сирийское правительство организовало ряд конкурсов на закупку продуктов питания с оплатой из средств, находящихся на замороженных счетах. Однако, хотя эти конкурсы попадали под гуманитарные изъятия, контрагенты из стран ЕС не стали в них участвовать, чтобы не заниматься получением отдельных разрешений. В итоге поставки продуктов оплачивались из средств, предоставленных Ираном в рамках кредитной линии.⁴⁸ Проблема еще сильнее обострилась после принятия в США в декабре 2019 г. так называемого Закона Цезаря.⁴⁹ Данный закон ввел санкции против широкого круга лиц, предоставляющих значительную финансовую, материальную или технологическую поддержку или заключавших сделки с правительством Сирии (или подконтрольными ему организациями), сотрудничающими с гражданами Сирии, а также прямо или косвенно оказывавшими услуги сирийскому правительству в области строительства или инжиниринга. М.Канфаш прямо связывает с его принятием тот факт, что в 2020 г. на организованный генеральным управлением переработки и торговли зерном Сирии конкурс так и не было подано ни одной заявки. Вследствие этого правительству пришлось делегировать импорт продовольствия частным акторам, что привело к его удорожанию.⁵⁰

Не менее негативный эффект оверкомплаенс оказывает и на продовольственную безопасность Афганистана. Приход к власти талибов в августе 2021 г. создал реальную угрозу того, что 22 миллиона голодающих афганцев могут остаться без столь необходимой им помощи, поскольку санкционный режим в отношении талибов (истоки которого уходят в 1990-е годы и который уточнялся резолюцией СБ ООН № 1988 от 17 июня 2011 г.)⁵¹ не предусматривал никаких изъятий. Во избежание гуманитарной катастрофы Управление по координации гуманитарных вопросов ООН (УКГВ ООН), Международный комитет Красного Креста (МККК) и другие гуманитарные организации добились от СБ ООН принятия резолюции № 2615 от 22 декабря 2021 г., которая констатировала наличие гуманитарного кризиса в Афганистане и дала разрешение «на обработку и выплату денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов, а также предоставление товаров и услуг, необходимых для обеспечения своевременной доставки такой помощи или поддержки такой деятельности».⁵²

Однако проблема сохранялась – как раз по причине низкой толерантности финансовых институтов к риску. Глава “International Rescue Committee”, бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд в феврале 2022 г. прямо указывал на сохраняющуюся угрозу голода в этой стране, для устранения которой он, помимо прочего, призвал США и их союзников «признать, что существующие санкции действуют только в отношении 147 представителей движения Талибан, но не в отношении тех государственных институтов, которые они возглавляют».⁵³

По сравнению с ситуацией, складывавшейся до утверждения гуманитарных изъятий, определенный прогресс в борьбе с оверкомплаенсом применительно к Афганистану есть. В своем докладе Совету Безопасности от 23 июня 2022 г. координатор ООН по вопросам гуманитарной помощи М.Гриффитс указал, что лишь около половины опрошенных УКГВ организаций отметили проблемы с трансфером средств в Афганистан (по сравнению с 87% в октябре 2021 г.). Однако и эта доля чрезмерно велика. Кроме того, около 80% организаций все еще сталкиваются с проволочками при перечислении средств, а две трети жалуются на отклонение банками законных трансферов.⁵⁴ Все это происходит в стране, где 25 миллионов человек живут за чертой бедности и тратят четверть своего дохода на еду, 19 миллионов сталкиваются с угрозой острой нехватки продовольствия, шесть миллионов – с риском голода, а три миллиона детей недоедают, причем каждый третий из них рискует умереть от голода.⁵⁵

Оверкомплаенс является отнюдь не единственным препятствием для распределения гуманитарной помощи в подсанкционных странах. Даже если бы финансовые структуры создали условия для выполнения гуманитарных изъятий для оказания продовольственной помощи и ведения торговли сельскохозяйственными товарами с подсанкционными юрисдикциями в полном объеме, экономические санкции, ввиду своей многомерности, сохранили бы свой разрушительный характер.

IV. Продовольственная безопасность в условиях санкционного давления: геометрия причинно-следственных связей

Деструктивное влияние санкций на продовольственную безопасность, как убедительно показал в своем первопроходческом исследовании С.К.Афесоргбор,⁵⁶ имеет место и на макроуровне, проявляясь в нескольких измерениях.

Во-первых, санкции неизбежно снижают общий уровень жизни и покупательную способность граждан подсанкционных стран и способствуют росту безработицы. Потерявшие работу люди начинают питаться существенно хуже. К снижению доходов домохозяйств могут приводить и технические проблемы, которые испытывают уехавшие на заработки за рубеж мигранты из подсанкционных юрисдикций с перечислением денежных переводов членам своих семей на родине. Между тем, такие переводы играют большую роль в экономике многих из тех стран, которые особо уязвимы к угрозам продовольственной безопасности.

Во-вторых, любые санкции ограничивают финансовые возможности государства-адресата. Торговые санкции, включая как полный запрет на сделки, так и запрет на торговлю определенными товарами, оказывают долговременный эффект. Адресат санкций чаще всего теряет позиции на экспортных рынках, что снижает цены на облагаемые санкциями статьи его экспорта. Цены же на импортные товары, напротив, повышаются, что делает баланс подсанкционной страны отрицательным.

Санкции, с одной стороны, сокращают налогооблагаемую базу, а с другой стороны заставляют принимать экстренные меры в поддержку пострадавших отраслей, что снижает объем средств, доступных для обеспечения продовольственной безопасности. Это затрудняет субсидирование цен на продовольствие, предоставление льготных кредитов сельхозпроизводителям, поддержание систем социальной защиты уязвимых категорий населения и повышение производительности труда в сельском хозяйстве. Неизбежное же

сокращение объемов производства сельхозпродукции вызывает повышение цен на нее, что, опять-таки, снижает доступность продовольствия.⁵⁷

Наконец, в-третьих, сокращаются поставки в подсанкционные страны ряда непродовольственных товаров и услуг, которые играют важнейшую роль в обеспечении продовольственной безопасности, но на которые чаще всего не распространяются гуманитарные изъятия. Это, касается, в частности, сельскохозяйственной техники, технологий повышения качества семян, урожайности продукции и т.п. В долгосрочной перспективе санкции также затрудняют международные научно-образовательные обмены, которые содействуют поиску устойчивых решений в области продовольственной безопасности. Любые разрешения на такие обмены оформляются только на индивидуальной основе и с большим трудом.⁵⁸

С.К.Афесоргбор наглядно показал конкретное действие указанных механизмов деструктивного влияния санкций на состояние продовольственной безопасности с использованием методов эконометрики и пришел к следующим ключевым выводам. Во-первых, санкции сами по себе определенно оказывают разрушительное воздействие, даже на фоне таких параллельно действующих дестабилизирующих факторов, как конфликты или стихийные бедствия. Во-вторых, негативному воздействию санкций подвержены все три основных компонента продовольственной безопасности, но более всего доступность продовольствия. Наконец, в-третьих, наибольший деструктивный эффект в данном случае оказывает параллельное применение финансовых и торговых санкций.⁵⁹

Выводы, сделанные С.К.Афесоргбором на основе данных до 2014 г., подтверждаются и текущими показателями. По состоянию на конец 2022 г., нельзя назвать ни одной подсанкционной развивающейся страны, которая бы не испытывала колоссальных проблем с продовольственной безопасностью, даже несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев к этим странам применяются гуманитарные изъятия.⁶⁰ Подсанкционные страны занимают самые нижние строчки в индексе GHI. По последним данным ФАО, в число стран с наибольшим числом страдающих от недоедания людей входят Йемен (12,3 миллиона человек), Афганистан (11,6 миллиона), КНДР (10,7 миллионов), Венесуэла (6,5 миллионов) и Иран (3,4 миллиона).⁶¹ В Сирии же, по которой ФАО не публикует актуальных данных, в 2022 г., по сведениям из других источников, с острыми проблемами продовольственной безопасности сталкивается более половины населения (около 12 миллионов человек), что на 51% больше, чем в 2019 г.⁶²

Наиболее рельефно многомерное влияние экономических санкций на продовольственную безопасность можно показать на примере Сирийской Арабской Республики (САР). По данным, собранным М.Канфашем, из-за санкций существенно сократились поставки в Сирию удобрений, пестицидов, гербицидов, деталей, используемых в ирригационных системах, и бульдозеров. Рост цен на топливо и электроэнергию существенно увеличил расходы на сбор урожая, а некоторые ирригационные системы и вовсе перестали функционировать из-за нехватки дизельного топлива. В ряде случаев сельхозпроизводители были вынуждены перейти с механического труда на ручной. Кроме того, санкции ограничили возможности повышения квалификации работников и финансирование образовательных учреждений, обучающих сельскохозяйственным специальностям. Ухудшилось состояние поголовья скота. Результатом всего этого стали дефицит продовольствия, скачки цен и резкое ухудшение питания. Более того, произошло резкое обесценивание национальной валюты. На этом фоне правительство САР

сократило объем субсидий на хлеб и впервые в истории ограничило их распределение. Дополнительно ситуацию осложнило и сокращение объемов денежных переводов со стороны сирийских трудовых мигрантов на родину. Как отметил другой наблюдатель, «хотя затягивание конфликта, несомненно, способствовало росту бедности, обострению голода и отсутствию продовольственной безопасности, односторонние санкции затронули ключевые сектора экономики и вызвали побочные эффекты, влияние которых испытывают на себе и подпадающие под изъятия товары – продовольствие и медикаменты».⁶³

Созвучны этим соображениям и выводы, содержащиеся в докладе о защите права на питание в условиях американских санкций против Венесуэлы, подготовленном Международной федерацией по правам человека в партнерстве с одной из местных некоммерческих организаций. Авторы доклада подчеркивают, что хотя введенные США секторальные санкции не были первопричиной комплексного гуманитарного кризиса, эти санкции оказали усиливающий эффект, усугубили ситуацию и повлекли ряд непреднамеренных последствий».⁶⁴

Еще один яркий пример – ситуация в Иране после выхода администрации Д.Трампа в 2018 г. из «ядерной сделки» и перехода США к политике «максимального давления» на Тегеран.⁶⁵ По данным, представленным в августе 2022 г. специальным докладчиком по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека А.Довгань (Белоруссия) в докладе генеральному секретарю ООН, американские односторонние санкции нанесли масштабный урон иранской экономике. Среди прочего, они привели к недопоставке, по меньшей мере, десяти миллионов тонн продовольственных товаров, сложностям с поставками семян, удобрений, сельхозтехники, скачку инфляции (достигающей 40%) и, соответственно, увеличению стоимости продовольственной корзины в 3,4 раза, что, по словам А.Довгань, стало «явным нарушением права [иранцев] на питание».⁶⁶

Приведенные примеры вполне репрезентативны для иллюстрации деструктивного влияния принудительных мер – особенно односторонних – на продовольственную безопасность и раскрывают традиционные грани изучаемой проблемы. Однако они не в полной мере помогают осмыслить те ее принципиально новые измерения, которые проявились в 2022 г. в случае с введением международных санкций против Российской Федерации в связи с проведением специальной военной операции на Украине и заслуживают отдельного рассмотрения.

IV. Антироссийские санкции 2022 г. и глобальная продовольственная безопасность: новые измерения смычки

Беспрецедентные рестриктивные меры, введенные в 2022 г. странами Запада против России – одного из крупнейших поставщиков сельскохозяйственной продукции и удобрений на мировой рынок,⁶⁷ поставили их инициаторов перед необходимостью применения гуманитарных изъятий на экспорт этих товаров из РФ.

Механизм таких изъятий был очерчен еще 21 февраля 2022 г. в момент подписания президентом США Дж.Байденом исполнительного указа о мерах в связи с признанием Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР). На основании этого указа была выпущена генеральная лицензия № 18, разрешавшая экспорт и реэкспорт в эти республики ряда товаров, включая продовольственные.⁶⁸

Через три дня, в день начала специальной военной операции РФ (24 февраля), управление по контролю за зарубежными активами министерства финансов США выпустило генеральную лицензию № 6, которая разрешила поставлять в Россию, из России или транзитом через Россию ряд товаров, включая: (1) продукты питания (включая сырые, переработанные и упакованные продукты, животных, витамины, минералы, пищевые добавки и бутилированную воду) и корма для животных; (2) семена; (3) химические и органические удобрения, а также (4) репродуктивные материалы для животноводства.⁶⁹ 14 июля 2022 г. были разрешены транзакции, связанные с продажей, производством и транспортировкой сельскохозяйственных товаров и техники.⁷⁰

Изъятия из санкционного режима поставок российской сельхозпродукции были сделаны и ЕС. Европейским компаниям было разрешено приобретать сельскохозяйственные товары из РФ с условием, что бенефициарами транзакций не являются подсанкционные лица, а также поставлять в Россию сельскохозяйственные товары, гербициды, удобрения и сельхозтехнику. При этом странам-членам ЕС давалось право предоставлять доступ судам под российским флагом и автомобильному транспорту, перевозящему зерно, оплачивая такие транзакции через еще не отключенные от системы SWIFT российские банки.⁷¹ Консенсус между ведущими западными странами по рассматриваемому вопросу был закреплен и в отдельном заявлении «Группы семи» (G7) по вопросам обеспечения глобальной продовольственной безопасности от 28 июня 2022 г., в котором было подтверждено обязательство участников «семерки» сохранять гуманитарные изъятия для продовольственных товаров из подсанкционных стран, включая Россию.⁷²

Однако ситуация с поставками российских удобрений развивалась по более сложной траектории. 8 апреля 2022 г. Совет ЕС в рамках пятого санкционного пакета ввел квоту на поставки российского поташа (углекислого калия). Спустя три месяца, 21 июля, было принято постановление, которое модифицировало введенный в 2014 г. санкционный режим в отношении России. В нем прямо артикулировалось стремление избежать негативных последствий санкций для глобальной продовольственной и энергетической безопасности и разрешалось участие европейских компаний в сделках, связанных с продажей российских сельхозтоваров, нефти и нефтепродуктов в третьи страны. При этом подчеркивалось, что принятые меры никак не влияют на торговлю сельхозпродукцией, включая пшеницу и удобрения, между третьими странами и РФ.⁷³ Однако 10 августа были опубликованы дополнительные разъяснения, из которых вполне однозначно следовало, что поставки удобрений в третьи страны под ограничения все же подпадают.

Впрочем, на фоне резкого ужесточения информационного противоборства с РФ по вопросу о воздействии ограничительных мер, введенных западными государствами против России, на развивающиеся страны, позиция ЕС изменилась.⁷⁴ В сентябре 2022 г. было принято решение вывести из-под санкций поставки в третьи страны российских удобрений, кормов для скота, отдельных видов углеводородов, древесины, цемента, угля, а также любые формы финансового содействия таким поставкам, включая страхование.⁷⁵ Этому решению сильно противились Польша и страны Балтии, однако свою позицию они отстоять не смогли. Впрочем, за новыми изъятиями можно было увидеть не только гуманитарные мотивы, но и стремление стран ЕС впоследствии закупать указанные товары через третьи страны. Как бы то ни было, подобные метания многократно усложняли участникам рынка задачу вписаться в режим изъятий.

Несмотря на все упомянутые изъятия, влияние антироссийских санкций на глобальную продовольственную безопасность все равно ощущалось сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, правительство РФ отреагировало на новые санкции мерами по «защите внутреннего продовольственного рынка в условиях внешних ограничений» – в частности, введением временного (до 30 июня 2022 г.) запрета на экспорт зерновых в страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также (до 30 августа 2022 г.) на вывоз белого сахара и тростникового сахара-сырца в третьи страны. При этом был предусмотрен ряд исключений для оказания гуманитарной помощи, а также в рамках международных транзитных перевозок.⁷⁶ Впрочем, уже через две недели российские экспортеры получили право на вывоз зерновых в страны ЕАЭС – по специальному разрешению от министерства сельского хозяйства. Кроме того, весной были введены различные формы ограничений на вывоз семян подсолнечника и рапса (с разрешением его экспорта в страны ЕАЭС и государства, заключившие с РФ соответствующие межправительственные соглашения), подсолнечного масла и жмыха, соевых бобов, подсолнечного шрота и масличного льна (действовали до конца лета). Наконец, было продлено действие запрета на вывоз аммиачной селитры (азотосодержащего удобрения) за пределы ЕАЭС до 1 мая 2022 г. (не распространялся на ЛНР, ДНР, Южную Осетию и Абхазию) и квоты на экспорт минеральных удобрений (до декабря 2022 г.)

Во-вторых, введение странами Запада изъятий для российской сельхозпродукции и удобрений, как и в других случаях, не означало того, что финансовые институты, транспортные или страховые компании готовы были учитывать эти изъятия в своей практике. Уже в марте 2022 г. многие судовладельцы стали приостанавливать взаимодействие с российскими контрагентами, а ряд зарубежных банков прекратил выдавать экспортные кредиты на оплату поставок российского продовольствия из черноморских портов. Также резко выросла страховая премия по таким поставкам.⁷⁷

Такие практики стали предметом активного обсуждения в России. Им, в частности, была посвящена дискуссия, состоявшаяся 9 июня 2022 г. в клубе «Валдай» с участием ведущих российских экспертов. В ее рамках И.Н.Тимофеев отметил четыре фактора, усугубляющих ситуацию: (1) попадание под санкции многих лиц, имеющих отношение к сельскохозяйственным активам; (2) влияние санкций на логистику и финансовые транзакции; (3) оверкомплаенс; (4) неформальные ограничения, т. е. фактические бойкоты, в частности, в сфере страхования грузоперевозок. В свою очередь, председатель правления Союза экспортеров зерна Э.П.Зернин сообщил, что многие популярные юрисдикции просто стали запрещать судам заходить под флагом своей страны в российские порты и что во многих банках были заморожены кредитные линии на закупку российского зерна.⁷⁸

Факты существования таких неформальных ограничений привлекли к себе дополнительное внимание в связи с подготовкой и подписанием 22 июля 2022 г. представителями Турции и ООН (одновременно с соглашением по вывозу украинского зерна из заблокированных портов, первоначально заключенным на 120 дней) договоренностей с РФ о содействии снятию ограничений на экспорт российского продовольствия и удобрений. Эти договоренности, в свою очередь, были рассчитаны на три года. С тех пор российские власти постоянно отмечали факты их несоблюдения, а обещания генерального секретаря ООН А.Гутерриша добиться устранения ограничений, мешающих экспорту российской сельхозпродукции и удобрений, долгое время никак не воплощались в жизнь.

По мере приближения срока истечения «зерновой сделки» (19 ноября 2022 г.) Москва еще больше усилила дипломатическое и информационное давление на ООН и государства Запада. Так, президент В.В.Путин на пресс-конференции по итогам саммита Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде заявил о готовности России бесплатно передать развивающимся странам 300 тысяч тонн минеральных удобрений, скопившихся в портах стран Евросоюза.⁷⁹ В конце октября – начале ноября эта идея получила развитие на фоне кратковременной приостановки Россией своего участия в зерновой сделке после атаки на корабли Черноморского флота и гражданские суда в Севастополе. 29 октября 2022 г. министр сельского хозяйства Д.Патрушев заявил, что Россия готова безвозмездно поставить беднейшим странам до 500 тысяч тонн зерновых в ближайшие четыре месяца и что новый урожай позволит ей полностью заместить украинское зерно и осуществлять поставки по приемлемым ценам всем заинтересованным странам.⁸⁰ После возвращения в сделку – в связи с предоставлением украинской стороной гарантий неиспользования гуманитарных коридоров в военных целях – В.Путин подтвердил готовность исполнить это обещание даже в случае повторного выхода РФ из соглашения в случае нарушения Украиной своих обязательств.

Пытаясь спасти сделку, генеральный секретарь ООН А.Гуттериш провел переговоры с компаниями британского страхового рынка “Lloyd’s of London” о снижении ставок для страхования судов, которые перевозят российские грузы или направляются в/из черноморских портов России. 11 ноября представители офиса генерального секретаря сообщили о подготовке к отправке в Малави первой партии экспортных удобрений из РФ, которая долгое время оставалась заблокированной в европейских портах.

Определенные шаги стали делать и ключевые инициаторы санкций. 4 ноября 2022 г. управление по реализации финансовых санкций министерства финансов Соединенного Королевства опубликовало генеральную лицензию, которая разрешила британским компаниям и физическим лицам осуществление финансовых операций, связанных с экспортом российской сельхозпродукции и удобрений, включая предоставление страховых и иных услуг.⁸¹ Спустя десять дней, 14 ноября, в преддверии начала саммита глав государств «Группы двадцати» верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж.Боррель, государственный секретарь США Э.Блинкен и министр иностранных дел Великобритании Дж.Клеверли подписали совместное заявление «по вопросам глобальной продовольственной безопасности и санкциям в отношении России». В нем упоминались произведенные тремя сторонами изъятия из санкционных режимов и подчеркивалось: «...Банки, страховщики, перевозчики и другие акторы могут продолжать доставлять российское продовольствие и удобрения на мировые рынки. [...] Мы призываем наших глобальных партнеров, а также представителей отраслей и провайдеров услуг, вовлеченных в сельскохозяйственную торговлю, ознакомиться с этими положениями, действовать в соответствии с ними, доставлять украинское и российское продовольствие и удобрения для удовлетворения острого спроса и продолжать обеспечивать доступность продовольствия для всех».⁸²

По данным западных информационных изданий, Россия также поставила в качестве условия своего дальнейшего участия в сделке выведение из-под западных санкций государственного Россельхозбанка (РСХБ) для его подключения к сопровождению сделок с участием российских экспортеров зерна,⁸³ а также получение разрешения на возобновление работы аммиакопровода Тольятти–Одесса, который идет через контролируруемую Украиной территорию до порта

«Пивденный». Однако оба этих предложения были отвергнуты (как и призывы украинской стороны расширить «сделку» на порты Николаевской области и увеличить срок ее действия до одного года). Позже, впрочем, появилась информация, что США выразили готовность рассмотреть меру, предложенную РФ вместо доступа к международной системе SWIFT в качестве временной опции – открытие РСХБ корреспондентских счетов в американских банках “Citibank” и “J.P.Morgan”. Хотя эта история еще далека от завершения, соглашение, срок действия которого истекал 19 ноября 2022 г., было автоматически продлено – в отсутствие решения участников о его отмене.

В-третьих, санкции против России усилили рост цен на продовольственные товары, побудив ряд стран ввести различные ограничения на экспорт продовольствия. Это еще более усугубило ситуацию и даже потребовало принятия 12-й министерской конференцией Всемирной торговой организации в июне 2022 г. отдельного обязательства вывести из-под таких ограничений закупки продовольственных товаров в гуманитарных целях, осуществляемые Всемирной продовольственной программой (ВПП) ООН.⁸⁴

В-четвертых, санкции привели к росту цен на энергоносители, в первую очередь на углеводороды. С одной стороны, это уже ударило по сельхозпроизводителям, а с другой – создало стимулы к расширению использования биотоплива, что неизбежно повысит спрос на используемые при его производстве сельскохозяйственные культуры, но при этом снизит уровень продовольственной безопасности. Данный риск подчеркивает тесную взаимозависимость продовольственной, водной и энергетической безопасности, к переосмыслению которой в текущих условиях призывают ведущие специалисты.⁸⁵

Влияние санкций против РФ на глобальную продовольственную безопасность, однако, рискует оказаться еще более широким. Санкции Запада объективно оказывают негативное воздействие на состояние российской экономики. Хотя оценки масштабов такого воздействия, в т.ч. официальные, продолжают уточняться, ясно, что одним из последствий станет сокращение объемов исходящих из РФ государственных и частных трансграничных финансовых потоков. Это касается, по меньшей мере, трех видов трансфертов: (1) потоков официальной помощи, включая как продовольственную (в первую очередь, по линии ВПП, взносы в которую от РФ в последние годы были весьма существенными), так и непродовольственную помощь, а также ряд других потоков, в т.ч. государственных кредитов на цели развития; (2) прямых иностранных инвестиций; (3) доходов трудовых мигрантов, приезжающих в РФ на заработки. В совокупности это может вызвать дополнительное снижение уровня продовольственной безопасности в ряде стран-партнеров, особенно в таких уязвимых странах постсоветского пространства, как Киргизия и Таджикистан.

Следует принимать во внимание и гипотетическое влияние уже существенно более суровых, чем в 2014 г., и продолжающихся ужесточаться санкций Запада. Речь идет об их воздействии на состояние российского агропромышленного комплекса и перспективы его технологического развития,⁸⁶ и, как следствие, на коммерческие поставки российского продовольствия за рубеж, в т.ч. в те страны, чья зависимость от таких поставок в ряде случаев является критической.⁸⁷

Кроме того, российский пример четко показал, что санкции против столь крупного поставщика природных ресурсов и продовольствия могут усугублять экономические проблемы и в государствах-инициаторах санкций. Это, в свою очередь, грозит сокращением объемов средств, выделяемых ими на помощь развивающимся странам – как на цели, напрямую связанные с обеспечением

продовольственной безопасности, так и на решение иных задач, которые могут повысить эффективность борьбы с голодом. Сводные данные по официальной помощи в целях развития за 2022 г. пока не доступны, но их отрицательную динамику уже можно предсказать ввиду огромного дефицита средств, собираемых для гуманитарной помощи развивающимся странам под эгидой ООН. По состоянию на середину ноября, в 2022 г. донорам пока удалось собрать только 46% средств – 23,8 из 51,7 миллиардов долларов. Значительный дефицит наблюдается и в финансировании стран, особенно сильно страдающих от голода и при этом находящихся под санкциями и служащими ареной вооруженных конфликтов и насилия разной степени интенсивности. Например, для Афганистана и Йемена удалось собрать лишь немногим более половины от требуемого объема, для Сирии – чуть более 40%. Рассчитывать на исправление ситуации в обозримой перспективе также не приходится.

VI. Заключение

В XXI веке угрозы глобальной продовольственной безопасности становятся все более масштабными. К этому предрасполагает целый ряд факторов, которые не связаны напрямую с процессами, протекающими в мировой политике и экономике: увеличение численности населения Земли, изменение климата, рост числа стихийных бедствий, эрозия почв и т. п. Санкционное давление усиливает эти вызовы и угрозы, как и те межгосударственные и внутренние конфликты, прямым следствием которых это давление является.

Проблема деструктивного влияния санкций на гуманитарную обстановку в целом и продовольственную безопасность, в частности, изначально не предусмотренная составителями ключевых международно-правовых документов, обозначилась еще в первое десятилетие после окончания «холодной войны» на фоне расширения санкционных режимов. Однако предложенное на международном уровне политико-правовое решение этой проблемы – гуманитарные изъятия – в полной мере себя не оправдало, хотя и получило широкое распространение. С одной стороны, это произошло из-за «чрезмерно рьяного соблюдения санкций» и отсутствия какой-либо формальной ответственности за это. С другой стороны, свою роль сыграл ряд других рассмотренных в этой статье факторов, не менее значимых, чем, собственно, недостаточные поставки в государства-адресаты продовольствия на безвозмездной или коммерческой основе.

Негативное влияние финансовых и торговых санкций на реализацию прав человека, в т. ч. права на питание, имеет множество измерений. Оно не может быть устранено простым отказом финансовых институтов, транспортных или страховых компаний от «нулевой толерантности к риску» и безукоризненным соблюдением ими выданных гуманитарных изъятий. Решение проблемы требует ее комплексного и детального видения.

В условиях обострения межгосударственного соперничества число и масштаб вводимых против оппонентов односторонних принудительных мер, несомненно, будут только расти. Это относится и к крупным незападным государствам (РФ, КНР и другим), которые выступают одновременно в роли значимых экспортеров продовольствия на мировые рынки и источников крупных финансовых потоков, содействующих развитию уязвимых стран, в т. ч. подсанкционных. Это создает непривычную для инициаторов санкций ситуацию, когда им приходится оценивать

влияние принудительных мер на население не только и даже не столько в государстве-адресате, сколько в мире в целом, в т. ч. и в собственных странах.

Все это означает, что рассмотренная в статье смычка между санкциями и проблемами продовольственной безопасности со временем станет более выраженной, влияние геополитических факторов на сферу продовольственной безопасности усилится, а закрепленные в глобальных повестках развития цели ее обеспечения станут еще менее достижимыми. В этих условиях крайне важно вырваться из плена распространенной в информационном поле «ложной дилеммы» между объяснением продовольственных кризисов либо через влияние конфликтов, либо через воздействие санкций. Смягчить проблему голода смогут лишь параллельные усилия по минимизации прямых и косвенных деструктивных (в т. ч. не самых очевидных) последствий экономических санкций, а также по созданию условий для скорейшего урегулирования нынешних и предотвращения новых внутренних и международных конфликтов и для обеспечения подлинно устойчивого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ World Food Summit – Plan of Action. Rome, 13 November 1996 // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) [official web-site]. URL: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm> (accessed 12.10.2022).

² Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3d ed. – Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2009.

³ Подробнее см. Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2. P. 26–42.

⁴ Влияние рестриктивных мер на потоки продовольственной помощи можно считать частным случаем смычки между санкционным давлением и международной помощью, которая заслуживает рассмотрения в качестве отдельного объекта исследования. Подробнее см.: Бартенев В. И. Международная помощь и санкционное давление: геометрия взаимного влияния // Полис. 2022. № 6. С. 23–37.

⁵ Cooper M., Brown M., Niles M., ElQadi M. Text mining the food security literature reveals substantial spatial bias and thematic broadening over time // *Global Food Security*. 2020. V. 26. [Publ. online]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211912420300468> (accessed 25.11.2022).

⁶ См., например, Brück T., D'Errico M. Food security and violent conflict: introduction to the special issue // *World Development*. 2019. V. 119. P. 145–149; Delgado C., Murugani V., Tschunkert K. *Food Systems in Conflict and Peacebuilding Settings: Pathways and Interconnections*. – Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2021. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-06/2106_food_systems.pdf (accessed 12.10.2022). См. также статью К. Дельгадо и К. Тшункерт в этом выпуске: Delgado C., Tschunkert K. Food security in conflict and peacebuilding settings: beyond a humanitarian concern // *Pathways to Peace and Security*. 2022. № 2 (63). P. 38–61.

⁷ Малов А. В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 127–147.

⁸ Завриев С. К., Игнатов А. Н. Потенциальные угрозы в сфере сельскохозяйственной и продовольственной безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 7. С. 100–107.

- ⁹ Ревенко Л. С. Параметры и риски продовольственной безопасности // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 2(41). С. 6–20.
- ¹⁰ См., например: Загашвили В. С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 8. С. 46–59; Андреева Н. М. Продовольственная безопасность, импортозамещение и состояние агросектора России в новых экономических условиях // *Горизонты экономики*. 2016. № 4 (30). С. 7–14.
- ¹¹ Коротких А. А. Роль зернового хозяйства в продовольственной безопасности США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016. № 4 (556). С. 75–90.
- ¹² Ревенко Л., Пантелеева О., Исаченко Т. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности в Европе // *Современная Европа*. 2019. № 2(88). С. 129–142.
- ¹³ См., например: Галищева Н. В. Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения // *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 1(58). С. 148–168.
- ¹⁴ Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности. – М.: Институт Африки РАН, 2015; Ревенко Л. С., Солдатенкова О. И., Ревенко Н. С. Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 5. С. 37–45.
- ¹⁵ См., например: Дунаева Ю. Г. Продовольственная безопасность Аргентины // *Латинская Америка*. 2016. № 9. С. 62–71.
- ¹⁶ Первое издание вышло в 1985 г., последнее (третье) – в 2009 г.: Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3d ed. – Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2009.
- ¹⁷ Drezner D. *Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- ¹⁸ Pape R. Why economic sanctions do not work? // *International Security*. 1997. V. 22. № 2. P. 90–136.
- ¹⁹ См., например: Early B. R. *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. – Stanford: Stanford University Press, 2015; *Research Handbook on Economic Sanctions*. Ed. P. Van Bergeijk. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021; *Economic Sanctions in International Law and Practice*. Ed. M. Asada. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2021.
- ²⁰ Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Сост. И.Н.Тимофеев, В.А.Морозов, Ю.С.Тимофеева; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020.
- ²¹ См., например: Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 2 (59). С. 26–42; Тимофеев И. Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // *Полис*. 2020. № 6. С. 73–90; Likhacheva A. B. Unilateral sanctions in a multipolar world // *Russia in Global Affairs*. 2019. V. 17. № 3. P. 109–131 и др.
- ²² Afesorgbor S.K. Sanctioned to starve? The impact of economic sanctions on food security in targeted states // *Research Handbook on Economic Sanctions*. Ed. P. Van Bergeijk. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 438–466.
- ²³ Peterson E. W. F., Haugen K. Food and agricultural trade sanctions // *Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics*. Eds. P.B.Thompson, D.M.Kaplan. – Dordrecht: Springer, 2014. 1860 p.

- ²⁴ Oppewal J., Kammin J. Tough sanctions against Taliban undermine right to food // The Broker. 24.05.2022. URL: <https://www.thebrokeronline.eu/tough-sanctions-against-taliban-undermine-right-to-food> (accessed 12.10.2022).
- ²⁵ Food is Not a Game: Serious Violations to the Human Right to Food in Venezuela. International Federation for Human Rights (FIDH), Venezuelan Program of Education Action on Human Rights (PROVEA) Report № 790a. – Paris: FIDH/PROVEA, 2022. URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/venezuela_report_en.pdf (accessed 12.10.2022).
- ²⁶ Zadeh-Cummings N., Harris L. Humanitarian Aid in North Korea: Needs, Sanctions and Future Challenges. – Burwood: Center for Humanitarian Leadership, 2020.
- ²⁷ Selimian H., Nassr M., Sen K. Conflict, sanctions and the struggles of Syrians for food security in the shadow of the UN Food Systems Summit 2021 // BMJ (British Medical Journal) Global Health. 2022. V. 7. № 1. P. 1–6; Kanfash M. Sanctions and Food Insecurity in Syria. World Peace Foundation Brief. The Fletcher School on Law and Diplomacy, Tufts University, Somerville (Mass.), 6 July 2022. URL: <https://sites.tufts.edu/reinventingpeace/2022/07/06/sanctions-and-food-insecurity-in-syria> (accessed 12.10.2022).
- ²⁸ См., например: Загашвили В. С. Ук. соч.; Андреева Н. М. Ук. соч. и др.
- ²⁹ Устав ООН. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 12.10.2022).
- ³⁰ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи ООН. Париж, 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 12.10.2022).
- ³¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций: конвенции и соглашения [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения 12.10.2022).
- ³² Segall A. Economic sanctions: legal and policy constraints // International Review of the Red Cross. 1999. V. 81. № 836. P. 763–784.
- ³³ Huvé S., Brubaker R. Humanitarian Exemptions in UN Sanctions Regimes. UN Sanctions and Humanitarian Action Policy Memo 3/4. – New York: United Nations University, 2022. URL: <https://reliefweb.int/attachments/80554f44-e371-4a46-8a5b-64b3597a8777/UNSHA-PolicyMemo3.pdf> (accessed 12.10.2022)
- ³⁴ См., например, Working With DG ECHO sanctions, 2021–2027: Humanitarian Exemptions. Directorate-General for European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations (DG ECHO), European Commission // DG ECHO Partners' Website. URL: <https://www.dgecho-partners-helpdesk.eu/sanctions/humanitarian-exceptions>; Factsheet on Member State Procedures to Grant Humanitarian Derogations from EU Restrictive Measures (Sanctions). EU Commission – Directorate-General for Financial Stability, Financial Services and Capital Markets Union. April 2022. P. 8. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/eu-restrictive-measures-humanitarian-derogations-factsheet_en.pdf (both accessed 25.09.2022).
- ³⁵ Подробнее см. Peterson E. W. F., Haugen K. Op. cit. P. 7–8.
- ³⁶ Осуществление Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка № 8 (1997). Связь между экономическими санкциями и уважением экономических, социальных и культурных прав. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Семнадцатая сессия. 17 ноября – 5 декабря 1997 г. E/C.12/1997/8. P. 5. <https://www.refworld.org.ru/docid/47ebcfed2.html> (дата обращения 12.10.2022).

³⁷ Вопросы существования, возникающие в ходе осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка № 12 (1999). Право на достаточное питание (статья 11). Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Двадцатая сессия. 26 апреля – 14 мая 1999 г. E/C.12/1999/5. P.10. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1491194> (дата обращения 12.10.2022)

³⁸ Право на питание. Доклад, представленный Специальным докладчиком по вопросу о праве на питание г-ном Жаном Зиглером в соответствии с резолюцией 2001/25 Комиссии по правам человека. 10 января 2002 г. № E/CN.4/2002/58. – Нью-Йорк: Экономический и социальный совет ООН, 2002. URL: https://digitallibrary.un.org/record/459033/files/E_CN-4_2002_58-RU.pdf (дата обращения 12.10.2022).

³⁹ Цель 2: Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства // Цели в области устойчивого развития. Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/hunger> (дата обращения 13.10.2022).

⁴⁰ Mallard G., Sabet F., Sun J. The humanitarian gap in the global sanctions regime // *Global Governance*. 2020. V. 26. № 1. P. 121–153.

⁴¹ См. Тимофеев И. Н. «Санкции за нарушение санкций».

⁴² Mallard G., Sabet F., Sun J. *Op. cit.* P. 123–124.

⁴³ Подробнее см. Walker J. The public policy of sanctions compliance: a need for collective and coordinated international action // *International Review of the Red Cross*. 2021. V. 103. № 916–917. P. 705–716.

⁴⁴ Права человека и односторонние принудительные меры. Резолюция, принятая Советом по правам человека 27/21. 26 сентября 2014 г. A/HRC/RES/27/21.

⁴⁵ Вторичные санкции, гражданские и уголовные наказания за обход режимов санкций и чрезмерно рьяное соблюдение санкций. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Ф. Довгань. Совет по правам человека. 15 июля 2022 г. A/HRC/51/33.

⁴⁶ Там же. С. 10, 16.

⁴⁷ Guidance Note on Overcompliance with Unilateral Sanctions and its Harmful Effects on Human Rights. Special Rapporteur on Unilateral Coercive Measures. United Nations Office of the High Commissioner on Human Rights (OHCHR). June 2022. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-unilateral-coercive-measures/resources-unilateral-coercive-measures/guidance-note-overcompliance-unilateral-sanctions-and-its-harmful-effects-human-rights> (accessed 12.10.2022)

⁴⁸ Kanfash M. Sanctions and Food Insecurity in Syria. World Peace Foundation Brief. The Fletcher School on Law and Diplomacy, Tufts University, Somerville (Mass.), 6 July 2022. URL: <https://sites.tufts.edu/reinventingpeace/2022/07/06/sanctions-and-food-insecurity-in-syria> (accessed 12.10.2022).

⁴⁹ «Закон Цезаря» («Закон о защите гражданского населения Сирии») – закон, принятый в составе Закона об ассигнованиях на национальную оборону на 2020 г. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. Public Law 116–92. 20 December 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-116publ92/pdf/PLAW-116publ92.pdf> (accessed 12.10.2022).

⁵⁰ Kanfash M. *Op. cit.*

⁵¹ Резолюция 1988 (2011), принятая Советом Безопасности на 6557-м заседании 17 июня 2011 года. S/RES/1988 (2011).

⁵² Резолюция 2615 (2021), принятая Советом Безопасности на 8941-м заседании 22 декабря 2021 года. S/RES/2615 (2021).

⁵³ Worley W. Solving Afghan food crisis “not very complicated”, says Miliband // Devex. 15.02.2022. URL: <https://www.devex.com/news/solving-afghan-food-crisis-not-very-complicated-says-miliband-102673> (accessed 12.10.2022).

⁵⁴ Briefing of the Emergency Relief Coordinator to the Security Council on the Humanitarian Situation in Afghanistan, 23 June 2022. UN Office for Coordination of Humanitarian Assistance (OCHA) Press Release. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/briefing-emergency-relief-coordinator-security-council-humanitarian-situation-afghanistan-23-june-2022> (accessed 12.10.2022).

⁵⁵ Under-Secretary-General for Humanitarian Affairs and Emergency Relief Coordinator Martin Griffiths Remarks to the UN Security Council on the Humanitarian Situation in Afghanistan. UN OCHA Press Release. 29 August 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/under-secretary-general-humanitarian-affairs-and-emergency-relief-coordinator-martin-griffiths-remarks-un-security-council-humanitarian-situation-afghanistan> (accessed 12.10.2022).

⁵⁶ Afesorgbor S. K. Op. cit.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Strauss M. J. The (il)legality of unilateral sanctions in light of the inadequacy of humanitarian exemptions // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2021. № 1. P. 86–97.

⁶¹ The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable. – Rome: FAO, 2022. P. 149–161. URL: <https://www.fao.org/3/cc0639en/cc0639en.pdf> (accessed 12.10.2022).

⁶² Kanfash M. Op. cit.

⁶³ Selimian H., Nassr M., Sen K. Conflict, sanctions and the struggles of Syrians for food security in the shadow of the UN Food Systems Summit 2021 // BMJ (British Medical Journal) Global Health. 2022. V. 7. № 1. P. 1–6.

⁶⁴ Food is Not a Game: Serious Violations to the Human Right to Food in Venezuela.

⁶⁵ Hejazi J., Emamgholipour S. The effects of the re-imposition of US sanctions on food security in Iran // International Journal of Health Policy and Management. 2022. V. 11. № 5. P. 651–657.

⁶⁶ Visit to the Islamic Republic of Iran. Report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights, Alena Douhan. UN OHCHR Doc. A/HRC/51/33/Add.1. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/regularsession/session51/2022-09-07/A_HRC_51_33_Add1_AdvanceUneditedVersion.docx (accessed 12.10.2022).

⁶⁷ The Importance of Ukraine and the Russian Federation for Global Agricultural Markets and the Risks Associated with the War in Ukraine. FAO Report. 10 June 2022. – Rome: FAO, 2022. URL: <https://www.fao.org/3/cb9013en/cb9013en.pdf> (accessed 12.10.2022).

⁶⁸ Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions with Respect to Continued Russian Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine. General License № 18: Authorizing the Exportation or Reexportation of Agricultural Commodities, Medicine, Medical Devices, Replacement Parts and Components, or Software Updates to Certain Regions of Ukraine and Transactions Related to the

Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Pandemic. Executive Order. Office of Foreign Assets Control (OFAC), U.S. Department of the Treasury. 21 February 2022. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/Ukraine_gl18.pdf (accessed 12.10.2022).

⁶⁹ Publication of Russian Harmful Foreign Activities Sanctions Regulations Web General Licenses 6, 6A, 6B, 25C, 30A, and 44. A Rule by OFAC, U.S. Department of the Treasury. 17 August 2022. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/08/17/2022-17646/publication-of-russian-harmful-foreign-activities-sanctions-regulations-web-general-licenses-6-6a-6b> (accessed 12.10.2022).

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Agrifood Trade and EU Sanctions Adopted Further to the Invasion of Ukraine by the Russian Federation and the Support of Belarus to It. EU Fact Sheet. European Commission. 28 June 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/japan/agrifood-trade-and-eu-sanctions-adopted-further-invasion-ukraine-russian_en?s=169 (accessed 12.10.2022).

⁷² G7 Statement on Global Food Security. Elmau (Germany), 28 June 2022. URL: <https://www.g7germany.de/resource/blob/974430/2057824/b4c9113bec507f0bd4b0389f6ac15ea7/2022-06-28-statement-on-global-food-security-data.pdf> (accessed 12.10.2022).

⁷³ EU Council Decision (CFSP) 2022/1271 of 21 July 2022, Amending Decision 2014/512/CFSP Concerning Restrictive Measures in View of Russia's Actions Destabilising the Situation in Ukraine // Official Journal of the European Union: OJ L 193. V. 65. 21 July 2022. P. 196–218. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022D1271&from=EN> (accessed 12.10.2022).

⁷⁴ Подробнее см. Smith R. EU U-turns on global transfer restrictions of Russian coal, fertilisers and other goods // Lexology. 20.09.2022. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=0dfbc490-2afa-48c5-9158-bff7ae374744> (accessed 12.10.2022).

⁷⁵ Import, Purchase and Transfer of Listed Good. Related Articles: Article 3g, Article 3i, Article 3j Of Council Regulation 833/2014. Frequently Asked Questions – as of 7 October 2022. European Council Doc. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-10/faqs-sanctions-russia-listed-goods_en.pdf (accessed 25.09.2022).

⁷⁶ Правительство ввело временный запрет на экспорт сахара и зерновых. Постановления от 14 марта 2022 г. № 361, №362 // Правительство РФ [официальный сайт]. 14.03.2022 URL: <http://government.ru/docs/44807> (дата обращения 12.10.2022).

⁷⁷ Food Security Implications of the Ukraine Conflict. World Food Program (WFP) Report, March 2022. – Rome: WFP, 2022. P. 9. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000137634/download> (accessed 12.10.2022).

⁷⁸ Продовольственный кризис и санкции // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: анонсы. 09.06.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/prodovolstvennyy-krizis-i-sanktsii> (accessed 12.10.2022).

⁷⁹ Путин призвал снять ограничения на экспорт российских удобрений в третьи страны // ТАСС. 16.09.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15771871> (дата обращения 12.10.2022).

⁸⁰ Глава Минсельхоза заявил о готовности РФ поставить беднейшим странам до 500 тыс. т зерна // Известия. 29 октября 2022.

⁸¹ Office of Financial Sanctions Implementation. Her Majesty's Treasury. General Licence - INT/2022/2349952. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1115732/Publication_Notice_INT.2022.2349952.pdf.

⁸² EU-US-UK: Joint Statement on Global Food Security and Russia Sanctions by the High Representative of the European Union Josep Borrell, US Secretary of State Anthony Blinken, and UK Foreign Secretary James Cleverly. Brussels, 14 November 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-us-uk-joint-statement-global-food-security-and-russia-sanctions-high-representative_en (accessed 25.11.2022).

⁸³ Russia seeks sanctions exemptions for state bank in Ukraine grain deal talks-sources // Reuters. 04.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/finance/exclusive-russia-seeks-sanctions-exemptions-state-bank-ukraine-grain-deal-talks-2022-11-04> (accessed 05.11.2022).

⁸⁴ Ministerial Decision on World Food Programme Food Purchases Exemption from Export Prohibitions or Restrictions Adopted on 17 June 2022 at the 12th Session of the WTO Ministerial Conference. Geneva, 12–15 June 2022. World Trade Organization Doc. WT/MIN(22)/29 WT/L/1140. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN22/29.pdf&Open=True> (accessed 12.10.2022).

⁸⁵ Hellegers P. Food security vulnerability due to trade dependencies on Russia and Ukraine // Food Security. 22 July 2022. First publ. online. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12571-022-01306-8> (accessed 29.10.2022).

⁸⁶ The Importance of Ukraine and the Russian Federation for Global Agricultural Markets and the Risks Associated with the War in Ukraine. Op. cit.

⁸⁷ Ibid.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева Н. М. Продовольственная безопасность, импортозамещение и состояние агросектора России в новых экономических условиях // Горизонты экономики. 2016. № 4 (30). С. 7–14.
- Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности. – М.: Институт Африки РАН, 2015. 288 с.
- Бартенев В. И. Международная помощь и санкционное давление: геометрия взаимного влияния // Полис. 2022. № 6. С. 23–37. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.03.
- Галищева Н. В. Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С.148–168. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-148-168.
- Дунаева Ю. Г. Продовольственная безопасность Аргентины // Латинская Америка. 2016. № 9. С. 62–71.
- Завриев С. К., Игнатов А. Н. Потенциальные угрозы в сфере сельскохозяйственной и продовольственной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 100–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-100-107.
- Загашвили В. С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 8. С. 46–59.
- Коротких А. А. Роль зернового хозяйства в продовольственной безопасности США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 4 (556). С. 75–90.
- Малов А. В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 127–147. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147.
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Сост. И.Н.Тимофеев, В.А.Морозов, Ю.С.Тимофеева; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. 452 с.
- Ревенко Л. С. Параметры и риски продовольственной безопасности // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2 (41). С. 6–20. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.1.
- Ревенко Л., Пантелева О., Исаченко Т. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности в Европе // Современная Европа. 2019. № 2 (88). С. 129–142. DOI: 10.15211/soveurope22019129141.
- Ревенко Л. С., Солдатенкова О. И., Ревенко Н. С. Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение // Азия и Африка сегодня. 2022. № 5. С. 37–45. DOI: 10.31857/S032150750020171-0.

- Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО- Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.
- Тимофеев И. Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. 2020. № 6. С. 73–90. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.06.
- Afesorgbor S.K. Sanctioned to starve? The impact of economic sanctions on food security in targeted states // Research Handbook on Economic Sanctions. Ed. P. Van Bergeijk. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 438–466. DOI: 10.4337/9781839102721.00032.
- Brück T., D'Errico M. Food security and violent conflict: Introduction to the special issue // World Development. 2019. V. 119. P. 145–149. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.01.007.
- Cooper M., Brown M., Niles M., ElQadi M. Text mining the food security literature reveals substantial spatial bias and thematic broadening over time // Global Food Security. 2020. V. 26. [Publ. online]. DOI: 10.1016/j.gfs.2020.100392.
- Delgado C., Murugani V., Tschunkert K. Food Systems in Conflict and Peacebuilding Settings: Pathways and Interconnections. – Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2021. 30 p.
- Delgado C., Tschunkert K. Food security in conflict and peacebuilding settings: beyond a humanitarian concern // Pathways to Peace and Security. 2022. № 2 (63). P. 38–61. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-38-61.
- Drezner D. Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 342 p.
- Early B. R. Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail. – Stanford: Stanford University Press, 2015. 288 p.
- Food is Not a Game: Serious Violations to the Human Right to Food in Venezuela. International Federation for Human Rights (FIDH), Venezuelan Program of Education Action on Human Rights (PROVEA) Report № 790a. – Paris: FIDH/PROVEA, 2022. 69 p. URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/venezuela_report_en.pdf (accessed 12.10.2022).
- Food Security Implications of the Ukraine Conflict. World Food Program (WFP) Report, March 2022. – Rome: WFP, 2022. 18 p. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000137634/download> (accessed 12.10.2022).
- Hejazi J., Emamgholipour S. The effects of the re-imposition of US Sanctions on food security in Iran // International Journal of Health Policy and Management. 2022. V. 11. № 5. P. 651–657. DOI: 10.34172/ijhpm.2020.207.
- Hellegers P. Food security vulnerability due to trade dependencies on Russia and Ukraine // Food Security. 22 July 2022. First publ. online. DOI: 10.1007/s12571-022-01306-8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12571-022-01306-8> (accessed 29.10.2022).
- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. 3d ed. – Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. 248 p.
- Huvé S., Brubaker R. Humanitarian Exemptions in UN Sanctions Regimes. UN Sanctions and Humanitarian Action Policy Memo № 3/4. – New York: United Nations University, 2022. 11 p. URL: <https://reliefweb.int/attachments/80554f44-e371-4a46-8a5b-64b3597a8777/UNSHA-PolicyMemo3.pdf> (accessed 12.10.2022).
- Likhacheva A.B. Unilateral sanctions in a multipolar world // Russia in Global Affairs. 2019. V. 17. № 3. P. 109-131.
- Mallard G., Sabet F., Sun J. The humanitarian gap in the global sanctions regime // Global Governance. 2020. V. 26. № 1. P. 121–153. DOI: 10.1163/19426720-02601003.
- Pape R. Why economic sanctions do not work? // International Security. 1997. V. 22. № 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368.
- Peterson E.W.F., Haugen K. Food and agricultural trade sanctions // Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics. Eds. P.B.Thompson, D.M.Kaplan. – Dordrecht: Springer, 2014. 1860 p. DOI: 10.1007/978-94-007-6167-4_561-1.
- Segall A. Economic sanctions: legal and policy constraints // International Review of the Red Cross. 1999. V. 81. № 836. P. 763–784.
- Selimian H., Nassr M., Sen K. Conflict, sanctions and the struggles of Syrians for food security in the shadow of the UN Food Systems Summit 2021 // BMJ (British Medical Journal) Global Health. 2022. V. 7. № 1. P.1–6. DOI: 10.1136/bmjgh-2021-007477.

- Strauss M.J. The (il)legality of unilateral sanctions in light of the inadequacy of humanitarian exemptions // *Journal of the Belarusian State University: International Relations*. 2021. № 1. P. 86–97.
- The Importance of Ukraine and the Russian Federation for Global Agricultural Markets and the Risks Associated with the War in Ukraine. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) Report. 10 June 2022. – Rome: FAO, 2022. 46 p. URL: <https://www.fao.org/3/cb9013en/cb9013en.pdf> (accessed 12.10.2022).
- The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable. – Rome: FAO, 2022. 233 p. DOI: 10.4060/cc0639en. URL: <https://www.fao.org/3/cc0639en/cc0639en.pdf> (accessed 12.10.2022).
- The Treasury 2021 Sanctions Review. – Washington, D.C.: U.S. Department of the Treasury, 2021. 7 p. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/Treasury-2021-sanctions-review.pdf> (accessed 29.10.2022).
- UK Financial Sanctions: General Guidance for Financial Sanctions under the Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018. – London: Her Majesty's Treasury, 2022. 50 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1100991/General_Guidance_-_UK_Financial_Sanctions__Aug_2022_.pdf (accessed 29.10.2022).
- Walker J. The public policy of sanctions compliance: a need for collective and coordinated international action // *International Review of the Red Cross*. 2021. V. 103. № 916–917. P. 705–716. DOI: 10.1017/S181638312100093X.
- Zadeh-Cummings N., Harris L. Humanitarian Aid in North Korea: Needs, Sanctions and Future Challenges – Burwood: Center for Humanitarian Leadership, 2020. 23 p.

BIBLIOGRAPHY

- Afesorgbor S. K. (2021). Sanctioned to starve? The impact of economic sanctions on food security in targeted states. In: *Research Handbook on Economic Sanctions*. Ed. P. Van Bergeijk. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 438–466. DOI: 10.4337/9781839102721.00032.
- (2015). *Afrika v kontekste global'noi prodovol'stvennoi bezopasnosti* [Africa in the context of global food security]. Moscow: RAS Institute of African Studies. 288 p.
- Andreeva N. M. (2016) Prodovol'stvennaya bezopasnost', importozameshcheniye i sostoyaniye agrosektora Rossii v novykh ekonomicheskikh usloviyakh [Food security, import substitution and state of the Russian agricultural sector in the new economy]. *Gorizonty ekonomiki* [Economic Horizons]. 2016. No. 4 (30). P. 7–14.
- Asada M., ed. (2021). *Economic Sanctions in International Law and Practice*. Abingdon, Oxon: Routledge. 272 p.
- Bartenev V. I. (2022) Mezhdunarodnaya pomoshch i sanktsionnoye davleniye: geometriya vzaimnogo vliyaniya [International assistance and sanctions pressure: geometry of interlinkages]. *Polis*. No. 6. P. 23–37. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.03.
- Brück T. and D'Errico M. (2019). Food security and violent conflict: Introduction to the special issue. *World Development*. V. 119. P. 145–149. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.01.007.
- Cooper M., Brown M., Niles M., and ElQadi M. (2020). Text mining the food security literature reveals substantial spatial bias and thematic broadening over time. *Global Food Security*. V. 26. [Publ. online]. DOI: 10.1016/j.gfs.2020.100392.
- Delgado C., Murugani V., and Tschunkert K. (2021). *Food Systems in Conflict and Peacebuilding Settings*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 30 p.
- Delgado C. and Tschunkert K. (2022). Food security in conflict and peacebuilding settings: beyond a humanitarian concern. *Pathways to Peace and Security*. No. 2 (63). P. 38–61. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-38-61.
- Drezner D. (1999). *Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 342 p.
- Dunaeva Y.G. (2016). Prodovol'stvennaya bezopasnost' Argentiny [Food security of Argentina]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. No. 9. P. 62–71.
- Early B. R. (2015). *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford: Stanford University Press, 2015. 288 p.

- (2022). *Food Is Not a Game: Serious Violations to the Human Right to Food in Venezuela*. International Federation for Human Rights (FIDH), Venezuelan Program of Education Action on Human Rights (PROVEA) Report № 790a. Paris: FIDH/PROVEA. 69 p.
URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/venezuela_report_en.pdf (accessed 12.10.2022).
- (2022). *Food Security Implications of the Ukraine Conflict*. World Food Program (WFP) Report. Rome: WFP. March. 18 p. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000137634/download> (accessed 12.10.2022).
- Galishcheva N. V. (2018). Prodovol'stvennaya bezopasnost' v Yuzhnoi Azii: osnovnyie problemy i puti resheniya [Food security in South Asia: major challenges and solutions]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 2018. No. 1 (58). P. 148–168. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-148-168.
- Hejazi J. and Emamgholipour S. (2022). The Effects of the re-imposition of US sanctions on food security in Iran. *International Journal of Health Policy and Management*. V. 11. No. 5. P. 651–657. DOI: 10.34172/ijhpm.2020.207.
- Hellegers P. Food security vulnerability due to trade dependencies on Russia and Ukraine. *Food Security*. 22 July 2022. First publ. online. DOI: 10.1007/s12571-022-01306-8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12571-022-01306-8> (accessed 29.10.2022).
- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., and Oegg B. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered*. 3d ed. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Huvé S. and Brubaker R. (2022). *Humanitarian Exemptions in UN Sanctions Regimes*. UN Sanctions and Humanitarian Action Policy Memo no. 3/4. New York: United Nations University. 11 p. URL: <https://reliefweb.int/attachments/80554f44-e371-4a46-8a5b-64b3597a8777/UNSHA-PolicyMemo3.pdf> (accessed 12.10.2022).
- (2022) *The Importance of Ukraine and the Russian Federation for Global Agricultural Markets and the Risks Associated with the War in Ukraine*. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) Report. Rome: FAO. 19 June. 46 p. URL: <https://www.fao.org/3/cb9013en/cb9013en.pdf> (accessed 12.10.2022).
- Korotkikh A. A. (2016). Rol' zernovogo khozyaistva v prodovol'stvennoi bezopasnosti SShA [The role of grain industry in the U.S. food security]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture]. No. 4 (556). P. 75–90.
- Likhacheva A. B. (2019). Unilateral sanctions in a multipolar world. *Russia in Global Affairs*. V. 17. No. 3. P. 109–131.
- Mallard G., Sabet F., and Sun J. (2020). The humanitarian gap in the global sanctions regime. *Global Governance*. V. 26. No. 1. P. 121–153. DOI: 10.1163/19426720-02601003.
- Malov A. V. (2018). Mezhdunarodnyi prodovol'stvennyi rezhim [International food regime]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 1 (58). P. 127–147. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147.
- Pape R. (1997). Why economic sanctions do not work? *International Security*. V. 22. No. 2. P. 90–136. DOI: 10.2307/2539368.
- Peterson E. W. F. and Haugen K. (2014). Food and agricultural trade sanctions. In: *Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics*. Eds. P.B.Thompson and D.M.Kaplan. Dordrecht: Springer. 1860 p. DOI: 10.1007/978-94-007-6167-4_561-1.
- Revenko L.S. (2015). Parametry i riski prodovol'stvennoi bezopasnosti [International cooperation in providing food security]. *Mezhdunarodnyie protsessy* [International Trends]. V. 13. No. 2 (41). P. 6–20. DOI: 10.17994/IT. 2015.13.2.41.1
- Revenko L., Panteleyeva O., and Isachenko T. (2019). Voprosy obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti v Evrope [European regional food security policy regulation]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. No. 2 (88). P. 129–142. DOI: 10.15211/soveurope22019129141.
- Revenko L. S., Soldatenkova O. I., and Revenko N. S. (2022). Prodovol'stvennaya bezopasnost' Afriki: nedoyedaniye i ozhireniye [Africa's food security: malnutrition and obesity]. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. No. 5. P. 37–45. DOI: 10.31857/S032150750020171-0.
- (2020). *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya* [Sanction Politics: Goals, Strategies, Instruments: An Anthology]. 2nd ed. Comp. I.N.Timofeev, V.A.Morozov, and Y.S.Timofeeva. Moscow: Russian International Affairs Council. 452 p.
- Segall A. (1999). Economic sanctions: legal and policy constraints. *International Review of the Red Cross*. V. 81. No. 836. P. 763–784.
- Selimian H., Nassr M., and Sen K. (2022). Conflict, sanctions and the struggles of Syrians for food security in the shadow of the UN Food Systems Summit 2021. *BMJ (British Medical Journal) Global Health*. V. 7. No.1. P.1–6. DOI: 10.1136/bmjgh-2021-007477.

- (2022). *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable*. Rome: FAO. 233 p. DOI: 10.4060/cc0639en. URL: <https://www.fao.org/3/cc0639en/cc0639en.pdf> (accessed 12.10.2022).
- Strauss M.J. (2021). The (il)legality of unilateral sanctions in light of the inadequacy of humanitarian exemptions. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. No. 1. P. 86–97.
- (2021). *The Treasury 2021 Sanctions Review*. Washington, D.C.: U.S. Department of the Treasury. 7 p. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/Treasury-2021-sanctions-review.pdf> (accessed 12.10.2022).
- Timofeev I. N. (2018). Ekonomicheskiye sanktsii kak politicheskoye poniatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. No. 2. P. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.
- Timofeev I. N. (2020). “Sanktsii za narusheniye sanktsii”: prinuditel’nyie mery Ministerstva finansov SShA protiv kompanii finansovogo sektora. [“Sanctions for sanctions violation”: U.S. Department of Treasury enforcement actions against financial sector]. *Polis*. No. 6. P. 73–90. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.06.
- (2022). *UK Financial Sanctions: General Guidance for Financial Sanctions under the Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018*. London: Her Majesty’s Treasury. 50 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1100991/General_Guidance_-_UK_Financial_Sanctions__Aug_2022_.pdf (accessed 29.10.2022).
- Walker J. (2021). The public policy of sanctions compliance: a need for collective and coordinated international action. *International Review of the Red Cross*. V. 103. No. 916–917. P. 705–716. DOI: 10.1017/S181638312100093X.
- Zadeh-Cummings N. and Harris L. (2020). *Humanitarian Aid in North Korea: Needs, Sanctions and Future Challenges*. Burwood: Center for Humanitarian Leadership. 23 p.
- Zagzhvili V. S. (2015). Prodovol’stvennaya bezopasnost’ Rossii v usloviyakh ukhudsheniya otnoshenii s ES [Food security of Russia in the conditions of deterioration of the relations with the EU]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. No. 8. P. 46–59.
- Zavriyev S. K. and Ignatov A. N. (2020). Potentsial’nyie ugrozy v sfere sel’skokhozyaistvennoi i prodovol’stvennoi bezopasnosti [Potential threats in agriculture and food security area]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya* [World Economy and International Relations]. V. 64. No. 7. P. 100–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-100-107.